

Исторгнутые из своего контекста и вставленные в ряд выдержек морализирующего характера, возглавляемых текстом из священного писания, сентенции позднеантичных любовных романов служили назидательным целям византийских мелисс. Этому способствовало и аллегорическое истолкование романов: в понимании Филиппа Философа Хариклея из влюбленной девушки обращается в символ души и разума. Такого рода цитация была у византийцев явлением того же порядка, что и простодушный перенос мотивов и сюжетных ходов из повестей о любовных страстотерпцах в благочестивые жития святых.¹² Древнерусский читатель «Пчелы», переведенной не позже 1220-х годов, усваивал, сам того не ведая, несколько афоризмов из романов, которые полностью появились на русском языке лишь лет пятьсот-семьсот спустя: роман Гелиодора в 1769—1779 г., а Ахилла Татия в 1925 г.

¹² См. новейшие статьи: В. П. Адрианова-Перетц. Из истории переводной литературы Киевской Руси. — В кн.: Историко-филологические исследования. Сб. статей к 75-летию акад. Н. И. Конрада. М., 1967; Е. Рабинович. Связь византийской агиографии с античной беллетристикой. — В кн.: Тартуский государственный университет. Материалы XXII научной студенческой конференции. Тарту, 1967, стр. 14—21.